

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Александра ВОЙТоловская

КИРКОЙ ПО КАМНЮ

У Александры Львовны Войтоловской были аналитический ум и поэтическое восприятие жизни. Так она формировалась в гуманитарной семье психиатра и литературного критика Льва Войтоловского, который в качестве врача прошел всю русско-японскую и первую мировую войны и написал «Записки полкового врача», которые неоднократно издавались в России, а в последний раз всего несколько лет назад. В этой семье бывали поэты, ученые, красные командиры и политические деятели. От академика Шмидта до наркома Луначарского.

В шестнадцать лет А. Л. Войтоловская поступила в Ленинградский университет и уже на первом курсе вышла замуж за проректора этого вуза Константина Вильгельмовича Нотмана. Это был счастливый брак. Но не долгий. Уже в 1935 году советская власть, за которую выпускник Чугуевского пехотного училища Константин Нотман провоевал всю свою юность, арестовала его как «врага народа» и в 1937 расстреляла в Магадане. Совсем молодой Александра Львовна осталась одна с тремя детьми на руках. А затем жизнь ни в какие времена сладкой у нее не была. В родном Ленинграде жена «врага народа» работы не нашла. Она поехала в Сибирь и осела в Новосибирске. В книге, посвященной истории Новосибирского педагогического института, она названа среди самых первых педагогов этого института. Позднее она работала в разных институтах города, став кандидатом исторических наук и доктором наук экономических. В частности, многие годы она была педагогом Института железнодорожного транспорта.

Путь к тому, чтобы Войтоловской стать и историком, и экономистом, был определен разными причинами. Во-первых, кандидатской диссертацией, которая давала ей право быть и тем, и другим. Тем более, что в ЛГУ она окончила исторический факультет. Во-вторых, этот профессиональный «перескок» определила судьба. Александра Львовна отказалась быть ис-

ториком после реабилитации и возвращения из ГУЛАГа, где кандидат наук Войтоловская семь лет отработала на лесоповале и на щипке слюды. Вернувшись, она уверилась в том, что истории как науки не может быть, раз она в полной зависимости от решений ЦК КПСС. Хотя ей потребовалось много лет, чтобы стать еще доктором наук и профессором экономики. Но глубокий ум, решительный характер и редкая трудовая выносливость позволяли ей достигать поставленных целей. Да и взращенное в ней с детских лет романтическое отношение к жизни, ничем и никем не поколебленный оптимизм помогали Александре Львовне никогда не унывать и не сдаваться. Несомненно, что этому способствовал и комсомольский энтузиазм, а также вера в коммунистическую партию, членом которой она была. Но в ее партийности полностью отсутствовал фанатизм. Войтоловская была первоклассным аналитиком, полноценным ученым и видела все дыры и провалы в работе партии. Об этом она откровенно писала в своей докторской диссертации. И в своих стихах.

Поэзия была, в сущности, формой ее жизни. Она помогала, спасала, питала ее душу животворящими соками. Мама не сильно заботилась о поэтическом признании и вполне довольствовалась публикациями в местной прессе. Но никакие обстоятельства очень трудной жизни А. Л. Войтоловской эту любовь не могли в ней погасить. Она жила интересной жизнью и без поэзии, но без стихов судьба Войтоловской была бы не полной, даже ущербной. Да и аудитория, в которой она работала десятилетиями, отличалась чуткостью. Как помнится, в нашем доме всегда толпились студенты и аспиранты. Они были первые слушатели стихов и поэм Александры Львовны. Стихи она читала очень ярко, с великолепной дикцией опытного лектора и пропагандиста. Особенно свою лагерную поэму «Киркой по камню». Это я, ее сын, запомнил навсегда.

Ролан Нотман

ЗА МРАКОМ – СВЕТ

I

Простой квадрат, его углы
За вышками в багряном дыме,
И сосен красные стволы
Без нас не стали бы иными.

...Мы больше не могли молчать.
Кричать? Но кто здесь станет слушать,
И кто сумеет отыскать
Людей израненные души.

За страшным словом «Отрекись»,
Как отзвуком средневековья?
Стони и плачь, кричи и рвись...
Лишь только стены смочишь кровью.

Но вдруг, за горя крутизной,
Когда ничто уж не тревожит,
Как чудо в зелени лесной
Открылся ели мягкий ёжик.

И стон подрубленной пихты
В её падении предсмертном,
И жизнь зовёт из темноты,
Как детский почерк на конвертах.

...Холодный мрак преодолей,
Опустошенность не приемля,
Как оскверняющую землю
Тоску тайшетских лагерей.

II

Как же быть, чтоб не сбил тебя
лагерный ветер,
Удержаться, не пасть,
становиться сильнее,
Оставаться собой в этом
сумрачном свете
Подконвойного множества судеб и дней?

В нас жила и самим неизвестная сила,
Если пилы очистив от клея сосны,
Мы дыханьем своим согревали чернила,
Чтобы с Тёркиным вместе
вернуться с войны.

А когда, пробираясь в ночи над тайгой,
Нам по-разному пела о прожитом грусть,
Чтобы нас не заметили после отбоя,
Мы на нарах шептали стихи наизусть.

Не пощады ли просим у памяти нашей?
Нет. В густой темноте нам
нетрудно найти

Сладкий привкус мошки
вместе с «кирзовой кашей»,
Грубый окрик конвоя и выстрел в пути.

Только это неправда,
что лагерным звоном
И этапом в жару, когда нечего пить,

Унизительной баней и обыском –
«шмоном»
Настоящую память легко заслонить.

Помним мы и друзей,
навсегда отмечавших,
Научившись не плакать о них, а молчать,
Помним вовремя слёзы
на людях сдержавших
И последний окурочок сумевших отдать.

Раскалённым страданием
в памяти нашей
Арестантское равенство с теми,
кто страшен.

А стихи мы читали. И было такое:
«Замолчи! Подтянись!
Разговоры в строю!»

Но строка пробегает по чёрному строю,
Как протест, утвердив человечность свою.

Человек привыкает? Неправда и это, –
Несдающийся учится видеть сквозь мрак.
Мы остались с собой, и источники света
Пронесли под тюремным бушлатом
в барак.

III

За Ангарой бывает так:
Не ручеек – пустяк.
Кругом жара сведёт с ума,
А в нём живёт зима.

Глоток зимы – и ты живёшь,
И зной тебе – не в зной,
Да как к нему ты подойдёшь,
Когда вокруг конвой?

Но вот девчонка чёрная,
Красивая, проворная
Вмиг с конвоиром рядом,
Сражая парня взглядом.

А тот попробует сказать,
Чтоб три шага назад,
Но как сказать, когда глаза
Другое говорят?

И воду пить, и отдыхать,
А рядом – лес в цвету,
И совершенно наплевать
На чью-то клевету.

Где перекур минут на пять,
Там все пятнадцать пой.
И песни разные опять
Звучат наперебой.

До срыва голоса поют,
Чтобы противник стих.
По песням люди узнают
Союзников своих.

Как отзвук классовых боёв
Вступают песни в бой.

И если наш, – не зная слов,
Так наши песни пой!

Такое вряд ли сбережёт
Какой-нибудь архив:
По песням знали мы, кто лжёт,
Кто умер, а кто жив.

Но главное не в нас, не в них,
Не в крайних полюсах, не в ярых,
А в этих девушках простых,
Которых бросили на нары.

И потому, когда подсев
Поближе к нам, они запели,
То их украинский напев
Заставил слушать даже ели.

В прозрачном воздухе небес
Они едва затрепетали.
И слушал заангарский лес
Тоску о прикарпатской дали.

А мне хотелось закричать:
«Товарищи! Так как же это?
Как нам теперь завоевать
И в этих душах власть советов?»

И не даёт ни жить, ни спать
Протяжный зов моей тревоги.
И я пишу стихи опять
Девчонкам, сбившимся с дороги.

Отвоевать у тех, кто зол,
Середняка слепую душу.
Борись, солдат! Ты цель нашёл.
Тебя должны и будут слушать.

Борись и здесь. Мужай, солдат!
Большая правда переспорит.
И зреет солнечный заряд
Стихов и чувств, окрепших в горе.

IV

Законы памяти жестоки, –
Где нет любви – там память спит.
Люби! И сквозь любые сроки
И годы память пролетит.

Она вбирала с высоты
Уже почти десятилетий
Тугие невкие мосты
И голубую высь мечети.

А я за ней, спеша назад,
Как будто вспомнить не успею,
Вбежала в институтский зал,
Подтягивая портупею.

Как много солнца на земле!
Здесь каждый стар, кому под сорок, –
Сплошная зелень наших лет
И комсомольских гимнастёрок.

Воскресло обаянье встреч,
На льду разбег у поворота,

И прядь волос спадает с плеч,
И ощущение полёта.

...Так мало времени прошло.
Чернеет памяти крыло...

И вот она уже в Сибири.
Летит, сбивая снег с берёз.
К Оби по кулундинской шири
В сорокаградусный мороз.

И детям, на изломе дня,
Поёт печально про меня...

...Мне было года двадцать два,
Когда могли сказать,
Что я теперь уже вдова
И трёх мальчишек мать.
Но я не верила в расстрел,
Любила и ждала,
Не зная бездны страшных дел
И верный адрес зла.

Ведь жизнь разбита грубой силой,
Одним ударом сапога,
А я и это относила
К незримым поискам врага.

Какое странное смещение
Путей добра к дорогам зла,
Но даже в этом ослепленье
Была честна я? Да, была.

А дни текли, текли, текли.
Мне чудеса не помогали.
Ведь письма так и не пришли
С неведомой земли.

...Уже рождались к счастью дети
За рубежом военных дат.
И вечный пламень в мире светит
Святому мужеству солдат.

Но седину вплетая в годы,
Жил под прикрытьем тёмных век
И вопреки судьбе народа
Бесчеловечный человек.

А я, уже идя в тюрьму,
Как прежде верила ему...

Но нет! Затмение не вечно.
Оно прошло в конце концов,
Ведь правда хлещет ветром встречным
И в удивлённое лицо.

V

Вбирает жадно воздух чистый
В июльский полдень Ангара,
А здесь, под выемкой скалистой,
Плывёт и царствует жара.

Мошка, и та кружить устала,
Едва подрагивает лес.

И только взрывы аммонала
Швыряют камень до небес.

И только мы, жаре на славу,
Киркой описываем круг,
Имея подлинное право –
Любую вынести жару.

Не охлаждают капли пота,
Усталость кажется густой.
Но перерыв. «Кончай работу!
Час перекура с дремотой!»
Так почему же под откосом
Ты снова бьёшь, киркой звеня,
И нам, бросая папиросы,
Кричишь: «Курите за меня!»

«Слезай!» ... Но с радостью жестокой,
Как будто не устать вовек,
Дыша свободно и глубоко
Киркует гордый человек.

И заноса кирку, как знамя,
Чтоб острие вонзалось вглубь,
Ты видишь, как дробится камень,
Позванивая о скалу.

Ты наверху... «Читай, бригада!»
И улыбаясь смотришь вниз,
Ты – человек из Ленинграда,
Ты высек слово – КОММУНИЗМ.

VI

Я опять вспоминаю, на «ты» обращаясь
К той, которой уж нет. Но так память жива!
... Тем, кто в строй после смерти
своей возвращались,
Посвящается грустная эта глава.

И как будто одно приближение к теме
Над собой поднимает, тоске вопреки.
Улыбается муж мой
в будёновском шлеме,
И Кольцов заполняет свои дневники.
Ну а ты, опустившая голову низко
И в иголку вдевавшая тонкую нить...
Ты попала сюда по особому списку,
Ни о чём, никого не хотела просить.

... В этот тёмный, такой же
как многие вечер
Ветер где-то за зоной порвал провода.
Свет погас. Ты платок натянула на плечи,
Показавшись больной и уставшей тогда.

При копилке в своей самодельной
шкатулке
Ты нашла карандаш и простую тетрадь.
И к девчонке, которая пела «Гуцулку»,
Подошла и сказала: «Пора начинать».

Та откинула на спину чёрные косы,
Пододвинула ближе мерцающий свет,

И почти до отбоя простые вопросы,
Чуть вспорхнув над столом,
получали ответ.

С арифметикой хуже у них получалось, –
Слишком крупные числа
пришлось вычитать:
«Я пять лет отсидела,
а двадцать осталось...»
«Нет. Не больше чем год.
Не умеешь считать!»

Пусть казался тогда нереальной датой
Той украинской девушке будущий год, –
Ты умела считать. И с упорством солдата
Наступала на медленный времени ход.

Чистым сердцем своим,
убеждением чистым
Ты умела считать, оказавшись права,
Оставаясь всегда и во всём коммунистом,
... Но когда в этот год
распустилась листва.

Не стихами бы надо, а горькою прозой
О твоём пребывании здесь говорить...
В эту ночь потихоньку шептались берёзы:
«Доживёт или нет? Не сумеет дожить...»

В эту ночь завывала за зоной собака,
И протяжно во мгле простонал паровоз,
А девчонка простая, уйдя из барака,
Тихо слёзы роняла под шелест берёз.

Будто кто-то сказал в этом воздухе
мглистом,
И упрёком холодным почудилось ей:
«Отчего же ты плачешь?
Ведь ты коммунистов
Никогда не любила. И плакать не смей!»

Но в ответ только чаще закапали слёзы:
«Я любила её, не могла не любить».
И опять до утра повторяли берёзы:
«Не сумела дожить, не сумела дожить...»

... Я хочу для тебя,
чтоб посмертною славой
Был рассказ о любви твоей
к взрослым и детям,
Чтоб мандат депутата в твоём Ленсовете
За тобой навсегда сохранился по праву.

VII

Когда, пересекая скалы,
Здесь рельсы первые легли,
То с Ярославского вокзала
Сюда доехать не могли.

И от пикета до пикета
В тот год растягивалось лето,
Вычерчивая свой маршрут
От Приангарья на Усть-Кут.

Вздохнув последний раз у Лены,
Дождалось лето пересмены.
И красно-желтую листву
Кидает ветер на траву.

А грунт предельных категорий
Под иней прячется на взгорьях.
Готовит осень день и час,
Когда в этап отправят нас.

И как всегда перед дорогой
За шумом прячется тревога,
И реплик рой, и дым столбом,
И делят сахар за столом.

И поселяются в барак
Слова «бригада», «норма», «брак»...
Но вдруг, по щучьему веленью,
Спадает наше оживленье.

Тогда одни взгрустнут, наверно,
Другие помянут любовь.
И огоньки бесед вечерних
То вспыхнут, то угаснут вновь.

И каждый раз не день, а вечер
Рождает памятные встречи,
Пути указывая нам
К ещё не найденным друзьям.

... Не мне одной, усевшись на пол,
У печки голову склоняя,
Пришлось в ночи перед этапом
Читать фантазию огня.

Дробить коралловые рифы,
И в рыжем всаднике лихом
Открыть сверкающие рифмы
Ещё не созданных стихов.

Но мне хотелось их создання,
Они рождались из огня.
И как спасенье от страдания,
И ради завтрашнего дня.

И ради той, чья летаргия
Таила страшные черты.
«Спаси её, чтоб и другие
Не пали в бездну пустоты!»

Когда могла ты возмущаться,
Кричать, что кто-то не прошён.
И нападать, и защищаться,
Но ты была жива ещё.

Была жива, когда в молчанье
Рвалась к потерянной любви.
Жила тогда, когда отчаянье
Как ртуть текло в твоей груди.

Но если номер на бушлате
Стал новым именем твоим
Не потому, что надзиратель
Тебя подсчитывает с ним,

А потому, что ты забыла
Все остальные имена.
Тогда спасать какой же силой
От летаргического сна?

... На стенах молча бьются тени,
Открыта печь, огонь горит.
Присела, охватив колени,
И шепчешь: «Львовна, говори!»

Ты жала тонкими руками
Почти прозрачные виски.
И под строкой дробился камень
Души твоей, твоей тоски.

В стихах мужало утвержденье
Великой силы бытия.
Быть может – не твоё паденье,
Так от тоски упала б я.

... С тех самых пор, с той самой ночи
Росли надеждой зёрна слов,
А я оттачивала почерк
Ненапечатанных стихов...

VIII

Подъём? – Трудись!
Что пафос ложный?
Несправедливость без прикрас.
Но жить без дела невозможно.
И труд спасеньем стал для нас.

За жизнь отличный агитатор,
Не по решению ОСО
Он заставлял мою лопату
Вгрызаться яростно в песок.

И чтобы память зажигала
Костры лесные на снегу,
Он в зимний час лесоповала
Передо мной открыл тайгу.

В её свободе непреклонной
Как будто не было тюрьмы,
И сосен стройные колонны
Под обаянием зимы.

Он позже мне помог услышать
За всем безумием разлук,
Как над слюдой живёт и дышит
Серебряный и нежный звук.

За каждой плоскостью и складкой
Жила надежда и беда,
И удивительной загадкой
Сверкнула тёмная слюда.

Когда и плоскости, и грани
Предстанут в облике живом,
Тогда уже не слишком ранним
Тебе покажется подъём.

А если будешь любоваться
Закатом в редкий выходной,

То будет облако казаться
Тебе пластинкой слюдяной.

Как сон о счастье по ночам.
Но радость есть, – она открыта
В горячих солнечных лучах
На ярких гранях флагопита.

Её пока ещё крупичицы, –
Пылинки лёгкие слюды,
Но ею можно защититься
От всеобъемлющей беды.

IX

Время шло. И густела тоска,
Вырастая, как ночь, на пути.
Скоро ль будет решенье ЦК?
Ведь не может оно не прийти.

Переполнены наши сердца.
Может, лучше лишиться сердец?
Под конвоем увидев отца,
На посту застрелился боец.

Коммуниста ведёт коммунист.
Может этого лучше не знать?!
Кто же чистое имя «чекист»
Захотел опозорить и смять?

Сомневаться тебе не «положено».
Что ж, засмейся. Была – не была!
Эх, дорога крутая, таёжная, –
Через что только ты не вела!

А до слёз досмеяться – не новости,
Вот до смеха доплакать посмей
Под пятой равнодушной слоновости,
Прошагавшей по жизни твоей.

Люди! Люди с горячими душами!
Люди, люди! Люблю вас в боях,
Ненавидя кошмар равнодушия
И трясущийся по ветру страх.

Ненавижу, как слово «положено»,
Как угодливость с примесью зла.
Эх, дорога, крутая, таёжная!
Через что только ты не вела!

...Время шло. И густела тоска,
Вырастая, как ночь, на пути.
Скоро ль будет решенье ЦК?
Ведь не может оно не прийти!

X

Жизнь распахнулась,
и ты к ней причастен.
Хочется землю и небо обнять.
Ждешь его годы, а вломится счастье
Сразу, без спроса, в звонок не звеня.

В первый момент ты стоишь и не можешь
Ни разобраться ни в чём, ни понять.

Верить – не верить, а несколько позже
Пробуешь слёзы сдерживать.

Что-то в душе обещаешь народу,
Не формулируя слов,
И оглянувшись у самого входа,
Вдруг возвратиться готов.

Ты и действительно скажешь: «Минуту!»
И забегая в барак,
Доброе что-то желаешь кому-то
Или стоишь просто так.

...Но через день ты прямо с пересылки
В дорожную столовую идёшь.
И первый раз ты пользуешься вилкой,
И первый раз легально просишь нож.

А перед тем, как пробегать вагону
Через мосты пяти сибирских рек,
Ты не спеша проходишь по перрону –
Такой как все – свободный человек.

К кому-нибудь ты двинешься навстречу,
Чтобы его товарищем назвать.
...Стучат колёса, и густеет вечер.
Что ж ты не спишь?
Но ты не можешь спать.

Когда не знаешь – в холод ли, в жару
Такой же поезд тронется с вокзала.
Ты возвратишься, чтоб взглянуть
на скалы,
И чтобы вновь пойти на Ангару.

Так только кажется на грани сна,
Переключиться сразу невозможно.
Но близок, близок мир тревожный –
Любовь твоя! Твоя страна!

...Не потому ль, что телеграмма
Уже отправлена была,
А девочка в вагоне маму
И вправду мамой назвала.

Иль от вчерашнего звучанья
Каких-то старых, близких слов,
Но воскресали очертанья,
А нетерпение росло.

Вело к окну, мешало спать.
И от вокзала до вокзала
Заставило часы считать.
Оно тобой овладевало,

Вело к весомости минут,
Тяжелых, как шаги столетий.
К оценке мер того, как ждуть
Клеймённые укором дети.

Но поезд мчал через зарю.
И от разъезда до разъезда
По моему календарю
Вёз и меня навстречу съезду.

Тайшет – Новосибирск 1955 г., 1963 г.